

НЕВИДИМОЕ БРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

Андрей Лямзин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE INVISIBLE BURDEN OF THE VIETNAM WAR: FROM THE MEMOIRS OF A SOVIET OFFICER*

Andrey Lyamzin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article publishes and analyses an interview with Lieutenant Colonel V. V. Skoryak, a Soviet military specialist who took part in the Vietnam War for eleven months in 1970. The interview describes little-known facts about military advisers' stay in the country, when they mostly stayed far away from the frontline and dealt with the preparation and maintenance of the S-75 high-altitude air defence systems. Special attention is paid to the everyday life of the advisers and their legal status, which helps reveal new aspects of the "everyday history" of war. Skoryak speaks about the ideological, moral, and psychological preparedness of the Soviet people to fulfil their "international duty", which, according to him, was internally motivated. He also analyses post-traumatic syndromes in Soviet military men: it was especially frequent and profound in the early stages of the conflict. Additionally, the interview contains information about the medical care provided to the participants of the conflict and the consequences for their health. It puts forward some ideas about how the chemical weapons used by the Americans affected the human reproductive system. The interview provides an emotional assessment of the war and their place in the biography of a Soviet officer.

Keywords: Vietnam War; memories; posttraumatic syndrome; international aid.

* *Citation:* Lyamzin, A. (2020). The Invisible Burden of the Vietnam War: From the Memoirs of a Soviet Officer. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473.

Цитирование: Лямзин А. The Invisible Burden of the Vietnam War: From the Memoirs of a Soviet Officer // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473 / Лямзин А. Невидимое бремя Вьетнамской войны: из воспоминаний советского офицера // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473.

Публикуется и кратко анализируется интервью подполковника В. В. Скоряка, советского военного специалиста, принимавшего участие в ходе войны во Вьетнаме в течение 11 месяцев 1970 г. В нем рассказывается о малоизвестных страницах пребывания военных советников в стране в то время, когда они в основном находились в отдалении от линии фронта и занимались подготовкой и обслуживанием зенитно-ракетных комплексов С-75. Большое внимание уделяется бытовой, житейской стороне пребывания советников, их правовому статусу, что открывает новые грани «обыденной истории» войны. В. В. Скоряк, рассказывая об идейной и морально-психологической готовности советских людей к выполнению «интернационального долга», которая, по его убеждению, была внутренне мотивирована, останавливается на анализе посттравматического синдрома у советских военнослужащих. Особенно часто и глубоко он проявлялся на начальном этапе военных столкновений. Также автор раскрывает информацию о медицинском обслуживании участников военного конфликта, его последствиях для здоровья, высказывая предположения о влиянии применявшихся там американскими военными химических веществ на репродуктивную функцию организма. В интервью дана эмоциональная оценка произошедших событий и их места в биографии советского офицера.

Ключевые слова: война во Вьетнаме; воспоминания; посттравматический синдром; интернациональная помощь.

С момента окончания войны во Вьетнаме минуло 45 лет. Об этом конфликте много написано, опубликовано немало мемуаров участников тех событий, но термин «вьетнамский синдром» воспринимается как нечто чужое и далекое и обычно ассоциируется с военнослужащими армии США, 2,5 млн которых приняли участие в этой войне. В рефлексии американской истории и в медицине этот диагноз подробно и многократно исследован. Не секрет, что в этой войне также приняли участие около 10,5 тыс. советских военных специалистов.

Постепенно с возникновением политики «гласности», а потом и с исчезновением цензуры в СССР и России начали появляться воспоминания участников этой войны, хотя и немногословные и немногочисленные, но уже позволяющие получить представления об этом конфликте с нашей стороны и исследовать его [Жонорева]. К сожалению, ценный исторический материал постепенно уходит. Из принимавших участие в войне к настоящему моменту остаются в живых около половины (не более 5 тыс. чел.), поэтому очень важно успеть зафиксировать описание событий той войны через их восприятие.

В Екатеринбурге активно работает Отделение Уральского федерального округа Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме, которое поддерживает и сохраняет память

Советские военные советники на ступенях буддийского монастыря. Фото из архива В. В. Скоряка

Soviet military advisers on the steps of a Buddhist monastery.
Photograph from the archive of V. V. Skoryak

об этих событиях. Воспоминания советских военных советников собраны в книгах [Незабываемый Вьетнам; На страже неба Урала и Вьетнама]. Такая активность уральских ветеранов связана с тем, что основой помощи Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) стала 4-я отдельная Краснознаменная армия ПВО (Уральская армия ПВО). Не случайно подзаголовок второй книги («От победы над Lockheed U2 до победы над F-4C Phantom 1.05.1960–24.07.1965») напоминает, что военнослужащие наших частей ПВО остались в истории, сбив 1 мая 1960 г. в небе

над Свердловском американский самолет-разведчик (с летчиком Ф. Г. Пауэрсом). Рассказать об условиях пребывания на Вьетнамской войне выразил готовность подполковник Валерий Васильевич Скоряк, который перед отправкой во Вьетнам служил недалеко от Свердловска, являясь инженером службы ракетного вооружения¹.

В данном интервью в рамках подхода, характерного для микроистории, больше внимания уделено личностным и бытовым аспектам пребывания наших военных советников на территории ДРВ, а также психологическим проблемам, трудностям и последствиям этой войны.

Вьетнамская война для Валерия Васильевича осталась не только в воспоминаниях и немногочисленных фотографиях, которые

¹ В. В. Скоряк (род. в 1941 г. в Белоруссии) окончил Одесское военно-техническое училище. Будучи кадровым офицером, 11 месяцев 1970 г. провел во Вьетнаме в качестве советника. В 1979 г. находился в спецкомандировке в Ливии. В настоящее время живет в Екатеринбурге, является председателем Уральского отделения Общества ветеранов войны во Вьетнаме.

сохранились. После возвращения из Вьетнама у него в 1973 г. родился тяжелобольной сын (инвалид I группы), которому врачи поставили диагноз «фенилкетонурия», что с большой степенью вероятности может свидетельствовать о воздействии на организм ветерана американских отравляющих веществ, вероятно, дефолиантов или гербицидов, самым известным из которых является «оранж».

Эта история лишней раз напоминает нам о трагическом влиянии войны на жизнь человека. Даже если он сам находился в сравнительно сносных условиях в ходе боевых действий, выход из конфликта может оказаться долгим и непредсказуемым. При публикации данного материала мы постарались по возможности сохранить стиль изложения рассказчика.

В. В. Скоряк во Вьетнаме.
Фото из архива В. В. Скоряка

V. V. Skoryak in Vietnam. Photograph
from the archive of V. V. Skoryak

А. Л. Вы служили в ракетной части?

В. С. Да, здесь, в Березовском. Это часть, которая сбивала Пауэрса.

А. Л. Как случилось, что в 1969 году Вас направили во Вьетнам?

В. С. Это не был приказ. Предлагали. Я говорю: «Во Вьетнам так во Вьетнам!» Я человек военный. Надо – значит надо, но убеждение идейное, что я делаю правильно, было четкое. Во-первых, мы были воспитаны на идеях Ленина о справедливых и несправедливых войнах. И эту войну, которую вел Вьетнам за свою независимость, мы считали справедливой. Мы такую помощь оказывали ранее и Сирии, и Египту, и африканским странам, и все считали, что поддержание независимости государства – это справедливая война, и если ты на ней воюешь, то ты делаешь справедливые дела.

Дело в том, что в любых странах, где наши военные были, у нас осталось много друзей из местного населения. А вы возьмите американцев, которые приходят в ту или иную страну, – у них друзей не остается. Может, влюблялся кто-то в местных, а так, чтобы контакт постоянный с местным населением был... Они входят как диктаторская сторона, которая пришла насаждать по их понятиям справедливые порядки. Нет у них друзей по их идеям, понимаете? Поэтому

решение о том, что должен поехать во Вьетнам, я считал во всех отношениях справедливым.

А. Л. Ваш мотив был – принять участие в справедливой войне?

В. С. Да. Как воин-интернационалист. Тогда это четко звучало – «интернациональная помощь».

А. Л. А материальная составляющая?

В. С. Нет, мы не задумывались над этим! Даже была поговорка: «Курица не птица, Вьетнам не заграница». Потому что, когда наши военные оказывали помощь той же Ливии, в том же Египте, на той же Кубе, им платило принимающее государство. А здесь Советский Союз платил. Получалось, что, ущемляя себя в еде или в чем-то еще, накапливали на несчастный «Запорожец».

А. Л. Ваша зарплата отличалась от советской?

В. С. Двойной оклад платили, но те, кто были в других местах (Египет, Ливия), четверной получали.

А. Л. А можно было потратить эти деньги там?

В. С. На сертификатах, которые выдавали, были желтая полоса, синяя и без полос. У нас была синяя полоса. Они шли по цене доллара. Это были чеки Внешпосылторга, на них в Союзе покупали дефицитные товары в магазинах «Березка». После окончания войны их всем давали. Сколько нужно денег – из зарплаты я брал, переводил в донги и на еду тратил.

А. Л. Что Вы знали о Вьетнаме перед поездкой?

В. С. Я мало что знал. Что это социалистическая страна, что есть вождь у них Хо Ши Мин. Нас только перед поездкой туда пять-семь дней инструктировали. Инструктаж предполагал рассказ о климате, о том, как вести себя.

А. Л. Запомнилось ли вам, что говорили во время инструктажа?

В. С. Надо было два раза в день мыться. Но хоть и мылись по два раза, у многих была потница – ноги покрывались прыщиками, и ходить было невозможно. Тогда отправляли в Союз.

А. Л. Никакого лекарства нет против этого?

В. С. Нет, только иммунитет, выработанный у местного населения. Если у нас клещ энцефалитный, то у них энцефалитный комар. От энцефалитного комара нам делали два укола. Было два случая. Один полковник, причем руководитель всех военных специалистов, Цыганков, из Челябинска, не знал, как себя держать, вены порезал из-за укуса энцефалитного комара – развилось психическое расстрой-

ство. А один старший лейтенант тоже то ли умер, то ли его отправили в Союз. Поэтому, когда начали остальных отправлять, всем делали японские прививки. Этой мошкары всякой тьма вилась, когда мы там находились. В городах у нас накомарники были. Мы спали под марлевыми покрывалами, потому что иначе загрызут. Сейчас приезжаешь во Вьетнам – нет этой мошкары.

А. Л. А что вы пили?

В. С. Ни в коем случае нельзя было пить сырую воду. Использовали воду из бутылок, и термосы в каждом номере стояли. Чай сами заваривали, правда.

А. Л. Каким был ваш статус пребывания в стране?

В. С. Мы там в любом случае были как партизаны. Официальных паспортов у нас в этой стране не было.

А. Л. А военный билет?

В. С. Ничего не было. Только летчикам выдавали удостоверения на вьетнамском языке – вдруг он сбит будет и попадет к вьетнамскому населению, люди прочтут и будут знать, что это их летчик.

А. Л. В каком статусе вы туда ехали?

В. С. Как советские военные специалисты, на основании договора Косыгина с Хо Ши Мином.

А. Л. Вам выдали новую одежду?

В. С. Одели всех в одинаковую форму. Улетали из Шереметьево, вышли все как один, в одинаковых костюмах, одинаковых шляпах, одинаковых туфлях. Мороз на улице – 25 или 30 градусов. Мы заходим, все смотрят – что это за делегация?

А. Л. Костюмы были советского производства?

В. С. Да, советского.

А. Л. Какие-то личные вещи можно было взять?

В. С. Да, никто не запрещал.

А. Л. А вывозить дневники, фотографии можно было?

В. С. Насчет фотографий, пленок, съемок никто претензий не предъявлял.

А. Л. У Вас сохранились эти фотографии?

В. С. У меня альбом целый есть. У нас был офицер один, из Прибалтики, увлекался этим. Когда мы поехали в Четвертую зону, там бриться невозможно было, мы заросли, бородатые все были. Этот

прибалт-офицер все нас фотографировал. А потом что-то он поссорился с нами и ни одного снимка не дал. А там такие интересные фотографии! Как раз при нем мы возле дивизиона были, в километре, и американцы ракеты «Шрайк» прямо с самолета пускали. Он фронтовик был, этот полковник: «А ну, немедленно в траншею прячьтесь, а вы рты разинули и смотрите, как они ракеты пускают!»

Они, конечно, если бы имели цель наших долбить, могли причинить вред, но они сдерживались, чтобы наших военных специалистов не обозлить. Но когда наши сбивали самолеты, они тогда обстреливали все подряд.

А. Л. Как вы добились во Вьетнам?

В. С. Самолет Ил-18 летел Душанбе – Карачи – Калькутта – Вьентьян – Ханой. 20 часов летели. Выходили там, кормили нас.

А. Л. Вы оказались в Ханое. Что Вас удивило, заинтересовало?

В. С. Поразили при посадке уже в Карачи воздух, запах. Это какое-то цветущее растение, оно и во Вьетнаме дает такой же запах, который остается даже на вещах. Когда я домой прилетел, он в вещах еще месяца три-четыре сохранялся.

А. Л. Как обеспечивалось ваше питание? Это была вьетнамская кухня или советская гречка с тушенкой?

В. С. Они готовили, как французские повара в колониальные времена, примерно так.

Нет, советского там не было, чисто местная кухня: вьетнамский суп с овощами, с мясом, с лапшой. В столовой, где мы питались, заказывали, в меню были разные блюда. Можно было варьировать. Ты платишь донгами, да и все.

А. Л. Надо было платить каждый раз, это не была полевая кухня?

В. С. Нет, деньги отстегиваешь, и все. А уже когда выезжали в части, в зоне находились, мы питались при наших советских полковых группах. Это было смешение вьетнамской кухни с французской.

А. Л. Мяса было достаточно?

В. С. Достаточно: были буйволы, свинина, курица. На Новый год собачатину нам готовили как оригинальное блюдо. Сначала мы съели, а потом они говорят: «Это была собачатина». А мы не заметили.

А. Л. Как Вы разобрались в ситуации, в том, из-за чего идет эта война?

В. С. Любая система требует настройки. Вот Сталин дал указ: «Ни шагу назад!» – и начали воевать. Или стрельнут сзади, или пойдешь воевать. А потом привыкли, и сзади уже никаких батальонов не было

штрафных. Так же и во Вьетнаме. Коммунистическая партия имела цель объединить Север и Юг. Были все основания на это. Международное законодательство предусматривало проведение выборов и объединение Юга и Севера. Но американцы ввели свои войска уже после французов в Южный Вьетнам, и у них по 17-й параллели произошло разграничение.

А. Л. Какие особенности вьетнамской армии Вы могли бы отметить?

В. С. Дело в том, что у них во время войны огромную роль играли своего рода комиссары. Такой комиссар даже выше командира считался. В частях проводились собрания, и они носили демократический характер. Это были общие собрания подразделения, не считалось, партийный ты или нет. Выражалось общее мнение всех военнослужащих. Но руководил ими комиссар от компартии. Иногда бывало – мы приезжаем, а нам говорят: «Зачем вы приехали?» – «Ну как зачем, проверять вашу боевую готовность, давать разрешение на стрельбу». – «Мы с вами не сможем работать, у нас фибинь (это «критика» по-вьетнамски, так называлось общее собрание в части). Вот пройдет собрание, приезжайте через два дня». Два дня шло собрание. И пока каждый по два-три раза не выступит, оно не закончится, только потом начинают делать выводы. У них идеология была четкая, были определенные установки. Если ты им не будешь следовать, тебя переправляют в Южный Вьетнам в иные условия.

А. Л. Вы обратили внимание на характер вьетнамцев, можете выделить их основные черты?

В. С. Если ты хочешь добиться решения какого-то вопроса, ты должен побеседовать с вьетнамцем на одну и ту же тему пять раз, не меньше. Иначе он тебя не поймет. Потому что у него есть свое мнение, и ты его должен в процессе рассказа переубедить.

А так – просто удивляешься, что они из какого-то феодализма выскочили, но очень настойчивы были в освоении военной техники, всегда спрашивали по десять раз. Они одну и ту же учебную тему старались прослушать у разных офицеров, задать вопросы. Стремление к знаниям у них было сумасшедшее. И русский язык они гораздо быстрее осваивали, чем мы вьетнамский. 60 слов у нас было записано, и нам хватало для общения.

А. Л. А как складывались ваши отношения с китайскими специалистами? Ведь тогда были сложные отношения между КНР и СССР.

В. С. Китайские подразделения располагались в одном месте – один или два аэродрома с МиГ-17, которыми руководили китайцы. Они там варились в своей каше, и мы даже не знаем, сколько они сбили самолетов. Как они действовали, нас не касалось. На севере Вьетнама были прокитайски настроенные подразделения, которые

пытались убедить остальных вьетнамских военных, что Китай – более выгодный друг, чем Советский Союз. А когда уже начали воевать по-настоящему, мы свою технику продемонстрировали, подготовили специалистов. В войне во Вьетнаме участвовала только советская техника. Даже предоставленная нами Китаю техника потом передавалась для помощи вьетнамцам.

А. Л. Насколько успешно действовали советские специалисты? Много ли среди них награжденных?

В. С. Один офицер, Ильиных, во Вьетнаме был представлен к награде за то, что сбил не менее 16 американских самолетов. Он в первом бою участвовал. Его представили к званию Героя Советского Союза, но ему не дали Героя, только орден Красного Знамени и орден Ленина. А когда присваивается звание Героя, то к нему всегда прилагается орден Ленина. И таких у нас человек шесть из Вьетнама, которые орден Ленина получили, а были представлены к Герою Советского Союза. Но самый интересный случай произошел недавно. Начальник госпиталя звонит и говорит: «К нам на лечение попал Герой Советского Союза, он воевал во Вьетнаме, такой-то такой-то». Начали разбираться – никакой он не Герой Советского Союза и во Вьетнаме близко не был. Себе нацепил звезду фальшивую и кричит. Вот так бывает.

А. Л. А были ли у вас политработники?

В. С. Были, но только на высоком уровне – в посольстве, в ЗРВ². Партийные группы были только при соответствующих структурах.

А. Л. Были ли Вы членом партии, проводились ли у вас партсобрания?

В. С. Были. Как-то раз офицер из Прибалтики на собрании начал жаловаться на недостойное поведение другого офицера, сильно выпившего однажды. Такое иногда бывало. Но постоянного пьянства, конечно, не было. Мы все осудили этого прибалта и сказали: «Нечего ходить сексотить! Человек перебрал, но поведение нормальное, специалист хороший». А в отношении одного офицера мы поставили вопрос, чтобы его отправили в Союз – воровал. Отбирали-отбирали людей, а все равно попадались не те.

А. Л. Там были сотрудники КГБ, которые за вами наблюдали?

В. С. Дело в том, что, когда первые поехали в 1965 году, в апреле месяце, у них был один сотрудник КГБ, и он сделал свое интересное дело: в первом бою сбили три американских самолета или четыре, так он упаковал один самолет и отправил в Советский Союз, и это была его великая заслуга. А следить за моральным обликом, чтобы кто-то не предал родину – такого не было. Хотя я уже позже узнал, что среди

² ЗРВ – зенитно-ракетные войска.

тех специалистов кто-то имел связи с КГБ – рассказывал о настроении, об обстановке. Все равно шла какая-то информация.

А. Л. Какими были последствия Вашего пребывания во Вьетнаме (физические или психологические, для здоровья)?

В. С. Болезнь почек – возможно, это воздействие отравляющих веществ. Были и другие отрицательные последствия, которые со временем прошли. Конечно, если бы я был умным, мог бы добиться какой-то группы инвалидности. Но, пока молодой, думаешь – все пройдет. Сын из-за этого родился больной. Он ведь родился таким из-за того, что я попал в область отравляющих веществ во Вьетнаме. Дочь у меня здоровая вполне, с высшим образованием, до Вьетнама родилась. Так что последствия были.

А. Л. Вы это как-то ощущали?

В. С. Нет. Дело в том, что я знал, что в этой зоне применялось, а где, как попал – неизвестно, но, кроме этого «оранжа», от которого листва опадала, они применяли массу разных других отравляющих веществ. Примерно сто тысяч тонн отравляющих веществ было сброшено на Вьетнам. Все районы указаны. А когда сейчас я делаю запросы официальным вьетнамским властям, они вообще не отвечают. Через посла, через консула я делал запрос, чтобы они подтвердили. И тому имеются свидетельства. Одна польская журналистка трижды была во Вьетнаме во время боевых действий³. Она описывает так, будто я сам присутствовал при этих событиях: как переправы организовывали, как бомбили. Потому что я в четвертой зоне был, и там велись самые активные боевые действия. Она рассказывает о событиях 1969 года, а я в 1970-м был. В тех провинциях, где я был, польская журналистка описывает применение отравляющих веществ, она пишет, что такие-то контейнеры сброшены, а потом постепенно оболочка разлагается, происходит отравление местных жителей, и все.

Вьетнамские военные мне официально подтвердили все, с нотариусом, с печатью, со всеми, кто служил в это время, что да, в этой зоне применялись отравляющие вещества, когда я там находился. Но вопрос в том, что если я вьетнамской стороне предъявлю претензии, то они окажутся в трудной ситуации. Сейчас их политики осторожничают, чтобы иметь с Соединенными Штатами нормальные отношения.

А. Л. А у американских военных известны такие случаи?

В. С. Да. У них рождались даже без рук и без ног дети, но, когда они обращались к американским официальным властям, те отказывались оказывать помощь – дескать, неизвестно, почему это произо-

³ Моника Варненска – польская журналистка, репортер и писательница [Варненска].

шло. Фирмы, которые применяли отравляющие вещества, иногда подачки отстегивают тем, кто пострадал, у кого дети родились больные. А государство не оказывает помощь.

А. Л. Каким еще образом военные могут получать отравления?

В. С. Я соприкасался с компонентами ракетного топлива с высокой частотой. Они очень вредные, влияют по-разному на людей. У меня друг был, сейчас умер уже, он, когда чернобыльская катастрофа произошла, на этом реакторе работал три дня, все тушил. Тем не менее, он прожил до 75 лет. А его сверстники в течение двух-трех лет поумирали. Точно так и у нас на воинской службе: работа на радиолокационных станциях, контакт с компонентами топлива – постоянная вредность. Приходят люди на компоненты топлива, поработают год-два, а потом идут в поликлиники да больницы, проверяют свое здоровье, почки или печень. Получалось – или ты болеешь, или поколение твое, это я встречал. А были люди, которые на двух компонентах по 20 лет работают, хотя положено на одном не более пяти.

А. Л. Непосредственно в зоне боевых действий Вы испытывали какой-то стресс, напряжение?

В. С. Эти стрессы испытывали те, кто были там в первые три года, потому что некоторые наши советские офицеры и целые подразделения воевали, находясь непосредственно в зоне боевых действий. И там были случаи бомбежек наших дивизионов. Когда ты видишь их результаты, тогда стрессы начинаются.

А я сам под бомбежки не попал, потому что у нас в 1970 году была задача проверить технику и дать добро – вы можете стрелять. Мы старались работать не тогда, когда американцы бомбят. Обычно они бомбили с десяти утра до шести вечера. Мы приезжаем к шести вечера и до 12 ночи делаем настройку – зачем нам эти бомбежки. Бывали случаи, что и в ночное время бомбили, но это очень редко.

А. Л. Вы наблюдали у других людей какие-то психологические изменения?

В. С. Да, наблюдал у вьетнамцев. Вы представляете: кабина размером два с половиной метра на восемь метров, в которой сидят операторы – пять человек и офицер. Американцы их шариковой бомбой как долбанут! Бомбы в контейнерах сбрасываются, потом раскручиваются, потом разлетаются и на определенной высоте взрываются. А когда раненый остается, который перенес все это месиво, он потом вообще месяцами не может зайти в эту кабину. Не может психологически. Потому что каждый квадратный сантиметр пронизан этими шариками. Люди, которые видели это, на несколько месяцев полностью исключены из общения. Некоторые не так реагируют, это от психики человека зависит. Я видел тех, кто воевали в Афганистане,

непосредственный боевой контакт с моджахедами имели: на одного повлияло, а другой – хоть бы что, остался в нормальном состоянии.

А. Л. *А вьетнамцы это как-то учитывали?*

В. С. У них подготовленных расчетов было достаточно, чтобы заменять, если человек не может. Его отправляли на другие задания, и все.

А. Л. *Я читал, что там была какая-то проблема общения с женщинами...*

В. С. Они следили, чтобы мы ни в коем случае не общались...

А. Л. *А почему?*

В. С. У них такая установка была. И днем, и ночью следили, если что – сразу докладывали. Виноват – наказывали. На юг посылали воевать в «горячих» условиях.

А. Л. *Как Вы сейчас оцениваете, насколько эффективно велась война с нашей стороны?*

В. С. Эффективность могла бы быть лучше, но... Молодцы наши инженеры, ученые. Они по ходу боевых действий делали корректировки, дорабатывали технику. Дело в том, что комплекс С-75 для тех условий вообще не предназначен. В ситуации влажного тропического климата происходил выход из строя узлов и деталей техники. Это вызывало беспокойство, конечно. Если бы этих факторов не было, эффективность была бы намного выше.

Техника, созданная нашими специалистами, очень хорошая, недаром она до сих пор во Вьетнаме на вооружении стоит. Талантливые конструкторы создавали эту систему.

А. Л. *Валерий Васильевич, сколько времени Вы провели во Вьетнаме?*

В. С. Я был 11 месяцев, почти год. С 30 января по 20 декабря 1970 года.

А. Л. *Существовала ли тогда какая-то система восстановления, реабилитации?*

В. С. Такой системы не было. У афганцев – я понимаю, они лицом к лицу дрались с моджахедами, их посылать на реабилитацию имело смысл, но у нас ничего такого не предусматривалось. Даже сами вьетнамцы накрывали нас своими телами во время бомбежек, потому что Хо Ши Мин дал указание ценой жизни защищать советских военных специалистов.

Наши, кто воевали дивизионами, старались минимально рисковать. Если ты начинаешь воевать, ты должен обеспечить или быстрое отступление, или крепкую защиту.

А. Л. При противостоянии двух систем Вьетнам и Корея оказались в похожей ситуации. Но в Корее не получилось восстановить единство страны, а во Вьетнаме получилось. На примере Кореи мы видим, что коммунистическая Корея живет хуже. В этой связи возникает вопрос: правильно ли было защищать Северный Вьетнам?

В. С. За прожитые мной 78 лет вопрос этот возникал. Как оценивать ту или иную систему? Я считаю, что любая система может существовать, но в разумных пределах. Можно провозглашать ту же социалистическую идею, но допускать элементы капитализма. Предположим, существует частная собственность в какой-то сфере и показывает положительные результаты – пожалуйста, пусть она существует. Вьетнамцы добились значительных успехов, потому что они в мелком производстве дали людям большую свободу после объединения страны. Они показывают такие же темпы развития, как китайцы.

Екатеринбург, 21 февраля 2020 г.

Список литературы

Варненска М. Четвертая зона : Путевой дневник писателя и военкора. М. : Прогресс, 1970. 366 с.

Конорева И. А. Воспоминания советских участников войны во Вьетнаме как исторический источник при изучении локальных войн и конфликтов второй половины XX в. // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та : [сайт]. 2008. № 4. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/146/ (дата обращения: 02.03.2020).

На страже неба Урала и Вьетнама. Екатеринбург : [Б. и.], 2014. 138 с.

Незабываемый Вьетнам. Екатеринбург : Профиль, 2013. 422 с.

References

Konoreva, I. A. (2008) *Vospominaniya sovetskikh uchastnikov voiny vo V'etname kak istoricheskii istochnik pri izuchenii lokal'nykh voin i konfliktov vtoroi poloviny XX v.* [Memoirs of Soviet Participants in the Vietnam War as a Historical Source in the Study of Local Wars and Conflicts of the Second Half of the 20th Century]. In *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 4. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/146/ (mode of access: 02.03.2020).

Na strazhe neba Urala i V'etnama [Guarding the Sky of the Urals and Vietnam]. (2014). Yekaterinburg, S. n. 138 p.

Nezabyvaemyi V'etnam [Unforgettable Vietnam]. (2013). Yekaterinburg, Profil'. 422 p.

Varnenska, M. (1970). *Chetvertaya zona. Putevoi dnevnik pisatelya i voenkora* [Fourth Zone. Travel Diary of a Writer and War Correspondent]. Moscow, Progress. 366 p.

The article was submitted on 09.03.2020